

владелицы, и если она его простит, то и я готов, но только пусть он возместит ей за все утеснения, какие чинил он ей и ее землям. А когда это будет сделано, он еще должен отправиться ко двору короля Артура и там испросить прощения у сэра Ланселота и сэра Гавейна за то зло, что он против них питал.

– Сэр, – промолвил Красный Рыцарь, – все это я сделаю, как вы мне повелеваете, и в том получите вы надежные поручительства и залого.

И, представив залого и заверения, он присягнул ему на верную службу и подчинение, и с ним – все его графы и бароны.

Тогда пришла к сэру Бомейну дева Лионетта, она совлекла с него доспехи, осмотрела и промыла ему раны и остановила кровь, и так же обошлась она с Красным Рыцарем Красного Поля. А после того они десять дней пролежали там в палатках, набираясь сил и залечивая раны. И Красный Рыцарь наказал своим баронам и слугам, чтобы они как могли угождали сэру Бомейну и делали все, что он прикажет. А в недолгом времени пошел Красный Рыцарь в замок, на поклон к госпоже, и она смилостивилась над ним, получив надежные залого и заверения, что всякий ущерб от него ей будет возмещен, на что бы она ни пожаловалась. А он после того собрался в путь и прибыл ко двору короля Артура; и там открыто Красный Рыцарь отдался на милость сэра Ланселота и сэра Гавейна и при всем народе поведал о том, как он был побежден в поединке и кем, а также перечислил он все прежние битвы Бомейна, от первой и до последней.

– Иисусе милосердный, – вскричали король Артур и сэр Гавейн. – Вот диво! Он – столь славный рыцарь, какого же он роду?

– Не дивитесь, – отвечал им сэр Ланселот. – Вы, скоро узнаете, что он самого высокого роду. Что же до силы его и мужества, то, право, мало кто из ныне живущих мог бы с ним сравниться силою и благородной доблестью.

– Сдается нам, – сказал король Артур, – что вам уже известно его имя и откуда он родом.

– Надо думать, что так, – отвечал сэр Ланселот. – А иначе я не дал бы ему своего посвящения в высокий Орден Рыцарства. Но он тогда взял с меня обещание не открывать его тайну, пока он сам того не пожелает или же пока она не откроется через кого-нибудь другого.

19

Теперь возвратимся мы к сэру Бомейну, который в это время просил девицу Лионетту, чтобы ему увидеться с ее госпожой.

– Сэр, – отвечала она, – я и сама очень хотела бы, чтобы вы с ней увиделись.

Вот облачился сэр Бомейн во все доспехи, сел на коня, подхватил копье и поскакал прямо к замку. Но подъехав к воротам замка, он увидел там вооруженных людей, и они подняли разводной мост и опустили на воротах железную решетку. Подивился он тому, что они не дают ему войти в замок, поднял голову и увидел в окне прекрасную даму Лионессу, и она ему громким голосом сказала так:

– Поезжай своей дорогою, сэр Бомейн, ибо пока еще не будет тебе моей любви: сначала должен ты приобрести славу одного из достойнейших рыцарей мира. Потому поезжай и завойю себе чести и славы, а ровно через двенадцать месяцев ты услышишь новые вести.

– Увы, любезная госпожа! – сказал сэр Бомейн Прекрасные Руки. – Не заслужил я от вас такого холодного приема. Я-то надеялся, что вы встретите меня с великим радушием, ведь я по мере моих сил заслужил вашу благодарность. И право же, я заплатил за вашу любовь немалой толикой своей крови.

– Любезный, учтивый рыцарь, – отвечала дама Лионесса, – не гневайтесь и не будьте чересчур поспешны в своем суде, ибо знайте, что подвиги ваши бранные и верная любовь не напрасны, ибо я ценю вашу доблесть и мужество, ваше благородство и доброту, как и должно их ценить. Поэтому поезжайте своим путем, да смотрите не падайте духом, ибо все будет к лучшему и вам во славу; и – видит Бог! – двенадцать месяцев скоро пролетят. Я же, верьте мне, любезный рыцарь, буду вам верна и никогда не изменю, я до самой смерти буду любить лишь вас и больше никого.

С этими словами она отвернулась от окна, и сэр Бомейн поехал прочь от замка в великой печали. Он скакал, сам не зная куда и не разбирая дороги, покуда не спустилась ночная тьма. И случилось как раз, что он выехал к хижине бедняка, и там расположился он на ночлег. Но только не было в ту ночь покоя сэру Бомейну, он метался и ворочался на ложе от любви к этой даме – владе-